

Алла Крікун

«Летіли два птахи...»

Зліт птаха

Крилами,
Крилами
Над степом, над гаєм
У ті хмари,
У ті хмари,
Що рясним дощем
Укривають, укривають
Всю землю
Від краю
Й до самого краю,
Де ми ще живем.
Де ми ще живем, ще живем...

* * *

Летіли два птахи й загадали:
Над цими шляхами замріяними,
Над цими лісами засмаглими
Ми пролітали колись...

* * *

Скаче коник молоденький,
І сміється його вершник.

По росі рясній раненько
Залишає слід для сонця,
Щоб побачити ясененьке,
Як їм любо і раденько.
В вольній волі як по долі
Пролетіти, проскакати,
Перший промінь упіймати
І по ньому в небо, в небо
Відлітати, відлітати!

* * *

Ти згадай мене, мій любий,
Берег твій далеко,
Поміж нами очерети
Вічної ріки.
Може, десь у той світанок
Нам зустрінуться лелеки,
Як проходимемо плаєм,
Як спустатимусь з гори.

* * *

Летіли лелеки
Здалека, здалека
До рідних країв, до осель.
Не можу згадати,
Де сіли лелеки,
Те місце не знайду тепер.

Та зірки підкажуть
І місяць посвіте.
А може, надія марна?
Бо світ завеликий,
А сонце у хмарах,
І так вже сумує душа...

Я там, між зірками
Забуду печалі
Земного, страшного буття...
Ті білі лелеки
Сховались за хмари
І звідти нема вороття...

Мария Луценко

Морская подборка

Этот город

Посвящается Одессе, городу моего детства

Этот город не хочет меня далеко отпускать.
Вьется длинным портовым канатом его пуповина.
Он вцепился в плечо, как пугливая старая мать
в уходящего взрослого сына.

Отгоняя врачей, отлучивших от нежной груди,
и упрямой волной, как рукой, под ребро подминая,
шепчет он: «Всё уже позади, всё уже позади.
Мы с тобой всё смогли». А рука от потуг ледяная.

Собирая меня по осколкам от старых любвей,
от истерик столичных, дурных, доводящих до комы,
он ведет на Жевахову, вверх, где растёт суховей,
по путям родовым, сквозь тугие свои катакомбы.

Где бы я ни была, и в какую бы глушь не вела
эта злая судьба, он всплывает в мозгу воспаленном
и, раздев годовалую память, раздев догола,
нарекает прабабкиным именем горько-соленым,

что роднит с легендарной блудницей и Девой святой.
Этот город, как смерть. Он стоит на своем непреклонно,
глубиной поднебесной и страшной морской высотой
увлекая младенца назад, в материнское лоно.

Икра

Ты помнишь сон малька
и плеск волны,
и дна подстилку, мягкую от тины?
Наш путь не предвещал тогда вины.
Бесхитростный, оранжево-икриный,
наш мир еще не знал блесны тоски,
а рот – наживки проклятой и лживой,
но развивались хвост и плавники,
и кто-то наверху расставил живо
ловушки: поплавки и невода –
с тех пор пропахла жабра рыбным рынком.
Похоже, не узнают ни вода,
ни ты, ни я, ни новая икринка –
соленый, несмысленный пилигрим,
затерянный в кольце водоворота,
куда стремится времени Гольфстрим,
но нужно плыть с надеждами, что кто-то
пробьется вверх...
И, пойман на живца,
нам выкрикнет из мира из иного,
хватая смерть разодранной губой,
что видит он великого Творца
на льдине, в ожидании улова,
кожух его и валенок рябой.

Одесское

Р. С.

У качелей одно на уме, хоть скрипят о высоком.
Только сядешь, и вмиг рассекретят тебя облака.
Улыбается память, и бурым измазавшись соком,
обдирает о камни орехам зеленым бока.

Здесь впадает река моя в крайности, в райности, в детство,
оставляя пороги, сливается с новой водой.

В этот город впадая, так хочется сразу раздеться,
скинуть сумки, набитые мятой, лежалой бедой,

и по первому, самому древнему зову природы
стать по косточки в море, русалочью верность храня,
и входить так же тихо и нежно в соленые воды,
как однажды входил ты за тайнами жизни в меня.

Куриный бог

Сестре Юле

Когда выходит боль из берегов,
куриный бог – один из тех богов,
кто рядом в трудный миг, по крайней мере.
Хоть наделен куриной слепотой
и немотой, он – первый мой святой.
А тем, кто верит, воздают по вере.

Он мал, но никому не учит мстить
и что-то в жертву миру приносить.
Пусть он для тех, кто мыслит близоруко,
но Бог другой, который там, вдали,
на зов моей беспомощной земли
в ответ пока что не издал ни звука.

А этот теплый маленький комочек
найти себя однажды мне помог
в руинах вер, где камня нет на камне...
И потому его я берегу,
что он один лежал на берегу.
И трудно верить в большее пока мне.

О шею трется бога гладкий бок.
Тем совершенней, тем прекрасней Бог,
чем меньше разных колкостей и граней.
И много лет спустя я поняла,
кого волна морская принесла:
куриный бог – божок воспоминаний.

Что видно сквозь невидящий глазок?
Бунгало, неочищенный песок,
похожий не на золото, на сажу.
И, разгребая копи гольшей,
счастливые – как сотни малышей –
две девочки-сестры идут по пляжу.

Одна кричит: «Нашла, смотри какой!».
А нынче глянут взрослые с тоской:
– Куриный бог? Смешная... Вот умора!
Он понарошку назван божеством!
А где нашла? – Да там. На Зерновом.
Давным-давно.
В провинции.
У моря.

Вопросы ракушке

Ты не стала помехой в ботинке у рыбака,
не стесалась, как сестры и братья, о гольши,
ты забила в белесый комочек известняка
и осталась надолго на донце его души,

как насмешка над планом Создателя – в пыль и прах
обратить все отбывшее здесь, на земле, свой срок.
Ты прозрачна, пуста, и тебя твой покинул рак,
и какой ты, скажи, в этой вечности видишь прок?

И зачем мы, ракушка, себя сохраняем так,
чтобы кто-то другой нашу память унес с собой?
Бьется сердце в нагрудном кармане. Звенит пятак.
Но в отбитое ушко не слышен земной прибой.

Киев

